

5. ИЗ СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКИХ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ (*стыд — страх*)

Все тихо — страх его объемлет,
По нем текут и жар и холод.

(А. Пушкин. Цыганы).

Дифференциация аффектов, в которых нераздельно слиты эмоции и побуждения, ограничивается и тормозится тем, что самоанализ, осознание своего психического состояния может иметь место только спустя промежуток времени, отделяющий аффект от его распада на ослабленные оттенки эмоций и усилия интеллекта постигнуть причины аффекта, предмет эмоции и суть субъективного отношения к этому предмету, возбудившему аффект.

В стадии зарождения и в стадии «остывания» и разложения аффект дифференцируется, а в своем апогее разнородные аффекты сближаются, подобно тому как ярко пылающее пламя своим сверканием слепит нас всегда одинаково, а загорающийся огонек или угасание огня многокрасочно, богато оттенками и поддается дифференциации.

Если дифференциация аффектов, эмоций медленно обогащается в горниле поэзии, художественной литературы и психологии, то в отдаленном прошлом истории человечества мы можем предположить еще более трудное и замедленное продвижение по пути осознания аффектов и эмоций.

Единственным свидетелем неисчислимых усилий и различных путей этой замедленной дифференциации и единственным неоспоримым памятником всех достижений на этом пути разных народов в разные эпохи является язык.

Поэтому благодарной и увлекательной темой лексикологических исследований должны стать слова, обозначающие аффекты и составляющие их элементы: чувства и побуждения.

Описывая аффективные состояния, писатели прибегают к сложным комплексам наименований психических и физиологических признаков, смешение красок на палитре здесь выступает с полной очевидностью:

«Его мучили страх и стыд» (Гончаров).

«Холод пробежал по моему телу, и волосы становились дыбом» (Пушкин).

«В животе у него перекатывало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью» (Чехов).

Это объясняет нам и позволяет считать закономерным о б ъ е д и н е н и е в древних обозначениях аффектов — и наименования элементарных ощущений и наименования потрясающих чувств. Например, в древнегреческом ἡ στυῖς, στυγός означает 'ужас', 'отвращение', 'холод'. В древнеисландском haugr — 'печаль', 'горе', 'боль'.

Франц Миклошич¹ считал омонимами старославянского языка: 1) *студъ* — *rudor* и 2) *студъ* — *frigus*. И. И. Срезневский² привел древнерусский материал на слово *студъ* только со значениями 'стыд', 'порушение', 'постыдный поступок', а рядом *студень*, *студение*, *студеньство* — 'холод' и *студити* — 'охлаждать'. Эти данные позволяют думать, что и в древнерусском слово *студъ* означало раньше и 'холод', и 'стыд', и 'позор, поношение'. От этого слова в народной речи *студенец* — 'холодец', *студеный* — 'холодный', *остуда* — 'простуда' и т. д.

Проследим употребление слова *студъ* и некоторых производных в старой русской письменности с XI до XVII в.³, чтобы осветить развитие его значений в доступной для нас исторической перспективе.

1. «Горе блуднику, съ *студъмь* изгънанъ будеть» («Изборник Святослава» 1076 г., л. 79). Здесь *студ* — 'позор (порока)'.

2. «Да очистится от грехъ, и тако приходите к святымъ тайнамъ, и да никто же речеть: полнь есмь *студа* и греховъ» (Слово Иоанна Златоуста. «Пролог», рукоп. XIII в.). Здесь *студ* — 'порок'.

3. «Начаток животу — вода и хлеб, и риза, и дом, покрывай *студ*» (Библия Геннадия. Книга Сирахова, XXIX, 24, рукоп. 1499 г.).

4. «Иже с черноризицами или священными девами *студ* деюща. Носа урезание да примет» (Кормчая Балашова XVI в., л. 571).

В двух последних цитатах *студ* — 'непристойные (интимные) действия'.

5. «И радости възрадовѡлися, а врази их облекошася в *студ*» («Рогожский Летописец», XV в., 105).

6. «Борисово воинство поби ростригину силу, и зело победи, яко бежати ему со *студом*» (Житие царевича Дмитрия, рукоп. конца XVII в., л. 35).

В последних двух цитатах *студ* — 'позор и поношение'.

В XVII в. слово *студ* употребляли Сумароков, Державин, Капнист. У Сухова-Кобылина («Дело», акт I, явл. 5): «Плечи голые, груди голые — *студ* позабывают!»

С XIII в. засвидетельствованы словосочетания *студ* и *срам*, *студ* и *срамота*⁴.

¹ См.: Miklošich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865, p. 898 sg.

² См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912, с. 576 сл. и 574 сл.

³ Графику и орфографию древнерусских текстов мы будем максимально приближать к современной, чтобы не создавать излишних затруднений как для читателя, так и для издателя. Ведь дело идет только об истории значений ряда слов, и частности орфографических вариаций, а тем более графическая пестрота текстов разных эпох не представляют никакого интереса для данного исследования. Большинство цитат из источников XI—XVII вв. приводится по картотеке Древнерусского словаря АН СССР.

⁴ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, с. 576.

7. «Да облѣкутся въ студѣ и в срамѣ вельрѣчюущи на мя» (Симоновская Псалтырь, до 1280 г., пс. 34).

8. В Новгородской V летописи под 1323 (6831) г.: «... и отѣбѣ- жаша нѣмцѣ со многымъ студомъ и срамомъ отъ Пскова».

9. В «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» (к XVI в.): «Но еще королю под градом Псковом стоящу и всячески о своем бездельном (=безрезультатном) приходе размышляющу, како и коими образы покрыти студ и срамоту лица своего и како дщю (=напрасную) свою и высокогордую похвалу (=похвальбу) мало некако изправити»¹.

10. «От построения при церквах лавок и домов и содержания вблизи рядов и кабаков происходит студ и срамота»².

В современном литературном языке слово *студ* неупотребительно, а все производные от него слова (*студень, студеный, простуда, выстудить* и т. д.) свидетельствуют о древнем и, можно думать, первоначальном значении 'холод', какое было основным, если не единственным тогда, когда образовались все эти слова. Дружное свидетельство всех процитированных выше памятников позволяет утверждать, что в эпоху древнерусской письменности, в литературном языке XI—XVII вв., не только основным значением слова *студ* было 'позор, срам', но оно вытеснило древнее значение 'холод'. Ср. псковское *стѹда* — 'стыд', но архангельское *стѹда* — 'холод'³.

Следовательно, употребительные теперь производные как бы оторвались от исходного *студ*, а потому полностью сохранились после его вытеснения синонимами, сохранились в своих более древних значениях, не отразив изменения значения исходного слова.

* * *

По древним законам чередования гласных *y||ы* наряду со словом *студ* существовало с глубокой древности и слово *стыд*. В нашей письменности сперва засвидетельствованы производные слова: *стыдѣкъ, стыдѣкый, стыдѣние, стыдѣный, стыдѣливый, стыдѣ- тия* (с XI в.)⁴, но лишь с XVI в. широко употребляется в письменности исходное слово *стыд*, которое постепенно вытеснило из литературного обихода своего «старшего брата» — *студ* на протяжении XVIII—XIX вв.

¹ См.: Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 90.

² Полное собрание законов Империи Российской, 1747 (№ 9365).

³ См.: Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 257; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Изд. 2-е. СПб., 1882, с. 346, а также Опыт областного великорусского словаря АН. СПб., 1852, с. 218.

⁴ См.: Востоков А. Словарь церковнославянского языка. Т. I. СПб., 1858. F. Miklošich (Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, 1862—1865, p. 898) приводит древнерусское *стыдѣ* по Даничичу, а производные из собственно старославянских памятников; И. И. Срезневский («Материалы для словаря...», т. III, с. 581 сл.) приводит только производные, а слова *стыд* не указывает.

Первая документация слова *стыд* — в письмах кн. Андрея Курбского, позже оно встречено в Донских делах 1644—1650 гг., в Проскинитарии Арсения Суханова, в «Космографии» 1670 г., в «Римских деяниях», в сочинениях протопопа Аввакума, у Г. Котошихина, в «Повести о Горе-Злочастии».

Во всех перечисленных литературных источниках XVI—XVII вв. слово *стыд* употребляется в том же значении, что и его синоним *студ*, т. е. в том значении, в каком мы употребляем его и сейчас.

Однако в «Причитаниях Северного края, собранных Е. В. Барсовым» (М., 1872—1886) записано слово *стыда* (ж. р.) в значении 'стужа'; в таком же значении *на стыде* — 'на стуже, на холоде' записано в говорах Чембарского уезда б. Пензенской губ. (карто-тека Словаря АН СССР).

В западноукраинских грамотах XIV в., изданных В. Курашкевичем, встречаем *стыдѣнь* — 'колодец', которое, так же как и *студенец* — 'колодец', косвенно свидетельствует о древнем значении слова *стыд* — 'холод' ¹.

Если возводить слово *остынуть* к *о-стыд-нуть, то оно тоже могло бы быть косвенным доказательством древнего значения 'холод' у основы *стыд*, но наличие архангельского *стыгнуть* — 'стынуть' и украинских *стиглий*, *стигнути*, *остигти*, *остигати* ² заставляет возводить *стынуть* к *стыг-нуть*, т. е. считать эти слова родственными по основе др.-греч. στυγή, στυγός — 'холод'.

Кроме данных о древнейшем значении слова *стыд* — 'холод', нельзя обойти переносного значения, представленного в литературном языке XVIII в. и первой половины XIX в.:

Иные по кустам одежды изодрали
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторонних *стыд*.

(Богданович. Душенька, I, 98.)

Ежели *стыд* у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным.

(Гнедич. Илиада, XXII.)

Почти полное совпадение значений слов *студ* и *стыд* объясняется чередованием, переплетением их употреблений, а не происхождением от одного корня, ибо когда-то чередование корневых гласных имело прямую связь с чередованием значений. Как уже сказано, первое из этих двух слов постепенно было вытеснено в русском литературном языке вторым.

¹ См.: Kuraszkievicz W. Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV w. Studium językowe. Kraków, 1934, Gramota A.

² Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 258, и Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907. Т. IV, с. 203, и т. III, с. 71.

Схематически развитие значений этой синонимической для древнерусского языка пары слов можно представить так. От синкретического, нерасчлененного значения: 'ощущение холода, боли' → 'мучение страха, стыда, позора' → 'чувство стыда' → 'поругание, позор'. Параллельно развивалась и вторая линия филиации значений: 'чувство стыда' → 'интимные действия (половые связи)' → 'позор порока' → 'pudenda'.

* * *

Почти такую же богатую документацию в русском и других славянских языках имеет третий синоним — старославянское *срам*. Известное ряду памятников XI—XVI вв. слово *срам* на 2—3 столетия уступает первое место в литературном языке Московской Руси полногласному древнерусскому варианту *сором*, которое сохранилось до XX в. в русских народных говорах и осталось основным выражением понятия 'стыд' в украинском литературном языке. Но в русском литературном языке с конца XVII в. полногласный вариант вновь уступает место архаическому церковнославянскому *срам*, употребляющемуся, однако, уже на правах второго синонима при слове *стыд*. В соответствии с этим и древняя синонимическая пара *студ* и *срам*, или *студ* и *срамота*, заменяется более новой *стыд* и *срам* (*стыд* и *поношение*, *стыд* и *позор*).

«*Стыд* и *срам* нашему роду!» (П у ш к и н. Капитанская дочка.)

«Все стали говорить, что просто *стыд* и *срам*» (Г о г о л ь. Шинель.)

«А то ведь, право *срам* смотреть и слушать: мужчина хвастается победой над девушкой, а бедная девушка должна скрывать свой *стыд*» (Д о б р о л ю б о в. Полн. собр. соч. Т. 3. М.—Л., 1936, с. 588).

В древнерусской письменности слово *срам* появляется в памятниках почти одновременно в своем основном и производных значениях, что позволяет заключить о его длительной доистории и сложном семантическом развитии еще до начала нашей письменности.

Рассмотрим примеры употребления этого слова.

1. В Переяславской летописи (рукоп. XV в.) под 1035 (6543) г. читаем: «Умыкание, насилдование, аще будет боярская дщи, за *срам* 5 гривен злата, а митрополиту такоже».

2. В «Правилах» (рукоп. XV—XVI вв., л. 66): «Аще ли не кается и ни поиметь ея (растленную девицу), — казнить градским законом, отъяти пол имения и дати девицы той за *срам*». Здесь и выше *срам* — 'позор потери девственности'.

В зависимости от стиля памятника в московской письменности чередуются варианты *срам* и *сором* в основном значении как для древнерусского, так и для современного языка, т. е. в значении 'стыд, позор'; в высоком церковно-книжном стиле употребляется старославянский вариант *срам*, в деловом и повествовательном стиле — русский полногласный вариант *сором*.

3. «Феогнаст митрополит глаголаше ему: *срам* есть князю неправду чинити и насильствовати и разбивати» (Никоновская летопись под 1332 г.— Полн. собр. русских летописей, т. X, с. 205).

4. «И бѣжа сам к ордѣ, не мога *срама* трѣпѣти и горького безъвремения и безчестия и студа» (Ермолинская летопись.— Полн. собр. русских летописей. Т. XXIII. СПб., 1910, с. 141).

5. «Яз заимовал у стольких людей, что мнѣ топере от них *сором*» (Памятники дипломатических сношений Московского Государства с Англиею. Т. II. СПб., 1883, с. 239—1584 г.).

6. «Кто з запасом живет, ино всегда гостя не *сором*» («Домострой».— «Чтения ОИДР». Кн. 2. М., 1881, с. 49).

7. «Государя нашего воеводы крымских людей многих побили... и из земли государя нашего крымской царь ушел *с соромом*» (Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. I. СПб., 1885, с. 510, грамота 1576 г.).

Иносказательное значение, отмеченное выше для слова *стыд*, еще шире засвидетельствовано для *срам* и *сором*.

8. «А паропки до девочки ходят нагы до 7 лет, а *сором* не покрыт» (Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Изд. 2-е. М.— Л., 1958, с. 14).

9. «Абдалы... ходят наги и босы, только закрывают у себе *срам* овчиною» (Петровский М. «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в.» — «Известия ОРЯС», т. 12, кн. 1, 1907, с. 102, список XVII в.)¹.

Слово *срам* в тобольских говорах употребляется в значениях 'гной', 'отбросы', в ишимских, златоустовских, кокчетавских говорах — в значении 'грязь, сор': «*Срам*-то хоть бы вымели!»

Слово *сором* встречается у Кириши Данилова, в песнях, записанных Рыбниковым на Севере, у Сумарокова, Лажечникова, А. К. Толстого. Широко известно это слово в говорах архангельских, вятских, тверских, псковских, владимирских, тамбовских, тульских, обоянских, в сибирских старожильческих. Славянские языки (кроме чешского) имеют свои варианты этого слова².

---

¹ Ср. еще: в Трехбике XVI в. среди вопросов духовника, которые задавались на исповеди, записан и такой (л. 52): «Или имала ли еси кого за *сором*, чужого мужа?» В Повести о Соломоне: «И подвинула царица руку его на свой *срам* и рече: что ето? И Соломон рече: «оттуда есми вышел и свет увидел» (Ложные и отреченные книги, СПб., 1862, с. 666, список XVII в.). Фраза Котова: «А как ходят [абдалы] молитца, так моют руки по локоть, и ноги, и гузно, и передний *срам*» («Известия ОРЯС», т. 12, кн. 1, 1907, с. 120, список XVII в.) — указывает на исчезнувшие выражения: «передний *срам*», «задний *срам*». В «Онежских былинах, записанных А. Гильфердингом» (СПб., 1873, т. 1, с. 843): «Он свой *сором* долонью закрыл». В романе Л. Леонова «Вор»: «Раздевшись первым, Елдюков вбегал, покрывая рукою *срам*, и окачивал стены ледяной водой». В Словаре украинского языка под ред. Б. Д. Гринченко, т. IV, 169: *соромок* (у малолетнего). Ср. в Толковом словаре В. И. Даля, изд. 3-е, т. IV, с. 400: *сѳрма*, и с. 403: *сорсм*, *срамота*.

² См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 368—369.

Нельзя не видеть параллельности в развитии значений, с одной стороны, слов *студ*, *стыд* и производных, а с другой стороны, гнезда слов от корня *мерз-* (*морз-*). Сопоставьте *мороз*, *за-мороз-ки*, *мороз-ить*, *из-морозь* с *мерз-ок*, *мерз-ость*, *мерз-авец*, *о-мерз-ение* и *мерз-нуть*, *мерз-лота*. И в этом случае мы констатируем исходное значение 'холод', а производные значения — в области чувства и оценки; чувства, близкого к стыду, страху, отвращению; оценки морально-порицательной.

Исходя из сходства и соответствия в линиях развития этих слов, мы имеем основание считать не прослеженной до конца, недоработанной и незавершенной и историю слов *срам*, *сором*. Здесь недостает первого звена — обозначения физического явления или физиологического состояния, от которого на раннем этапе развития мышления шли к обозначению аффекта стыда. Мы находим это первое звено, сопоставляя *срам* (*сором*) с литовским *šar̃mà* — 'иней'.

А. Мейе сопоставлял *срамъ* с зендским наречием *fšāremat* — 'от стыда', персидским *šegm* — 'стыд' (добавим таджикское *šar̃gm*), А. Торп — с древненорвежским *har̃mr* — 'печаль, вред, поношение', англосаксонским *har̃m* — 'боль, мука' и т. д. Те же сопоставления повторил и Р. Траутман¹.

В Индоевропейском этимологическом словаре Юлиуса Покорного под корнем *ker снова собраны те же сопоставления славянского *срамъ*, что даны были А. Мейе и А. Торпом². Отдельно от этого гнезда собраны у Ю. Покорного группы балтийских и славянских слов от корня *ker (6) с его производными основами: *ker-no, *ker-men (а следовало бы добавить сюда и вышеуказанное *ker-mo):

1) литовское *širmas* — 'серый', латышское *širms* — 'id', лит. *šar̃mà* — 'иней', латыш. *sarma* — 'id'; лит. *šer̃muõ*, *šar̃muõñys*, *šer̃muõñelis* — 'горноста́й', латыш. *ser̃mulis* — 'id'. Все это без славянских соответствий;

2) лит. *šeĩkšnas* — 'светло-серый', *šeĩkšnyti* — 'покрываться инеем' (но здесь не указано более употребительное литовское *šar̃móti* в том же значении), латыш. *ser̃ksns*, *ser̃ns*, *ser̃sna* — 'иней', ст.-слав. *срънь* — 'пестрый', др.-русск. *сереный* — 'светло-серый', русск. *серён* — 'изморозь', польск. *szron* (из *szron*)³.

Нам представляется необходимым установить связь этих групп, т. е. восстановить неправомерно расторгнутую связь гнезда: ст.-слав. *срамъ*, иран. *šar̃m*, герм. *har̃m(a)* с литовским *šar̃mà*, лат.

¹ Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. II. Paris. 1906, p. 428; Torp Alf. Wörterbuch der germanischen Sprachen (Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd. III, 4. Aufl. Göttingen, 1909, S. 79. Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, S. 299.

² Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 7. Lief. Bern, 1950, S. 615.

³ Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch, S. 300; Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 6. Lief. S. 573.

šarḡta, а тем самым и с лит. šerḡkšnas, латыш. sersna и ст.-слав. срѣнѣ, русск. серѣн, армян. sarn. Если бы раньше обращено было внимание на семантическую филиацию, показанную нами для студ — стьд и для мерз-нуть, мороз, из-морозь||мерз-ок, мерз-ость, мерз-авец и т. д., то и для слова срам (сором) и производных нашли бы утраченное звено исходного их значения в литовском šarḡtā, а тем самым к бедным сопоставлениям слова срамѣ подключили бы новый ряд индоевропейских параллелей.

Мало вероятно, чтобы литовское šarḡta и жемайтское šarḡtas не имели славянских соответствий, как думал Р. Траутман, а славянское срамѣ не имело бы балтийских коррелятов, как утверждал слишком поспешно А. Брюкнер¹; он не придавал никакого значения повторенному им под словом szron сопоставлению Ад. Бецценбергера ст.-слав. срѣнѣ с литовским šarḡtā.

Разъединяло эти два гнезда различие значений. Фонетических затруднений для сопоставления срамѣ — šarḡtā нет², а со стороны морфологической требует пояснения расхождение форм рода. Но выше уже было указано на русское диал. стьда жен. р. (олонецкие говоры) при стьд; отметим и стужа жен. р. при студѣ; наконец, приведем еще и форму страма жен. р. (псковские говоры) наряду со страм: «Такую страму навели на нас!»; есть форма страма и в донских говорах³.

С другой стороны, и в литовском рядом с šarḡtā, f. — ‘иней’ известно и šarḡtas, m. — ‘щелок’, но об этом слове речь будет дальше. Укажу здесь на аналогичное параллельное употребление форм мужского и женского рода в лит. šerḡkšnā ∼ šerḡkšnas — ‘иней’, или jāuja ∼ jaujas — ‘рига, овин’, или gumba ∼ gumbas — ‘древесный гриб, нарост на дереве’, или gaīdas ∼ gaīdė — ‘изгородь, ограда’, старолитовские: abyda ∼ abydas, mūka ∼ mūkas, pažara ∼ pažaras, pavietra ∼ pavietris, narsa ∼ narsas, perkuna ∼ perkunas⁴.

Вернемся к несовпадению значений. Указанные параллели и аналогии являются достаточным основанием считать, что исходным значением слова срамѣ (сором) было ‘холод’ и далее — на балтийской почве — ‘изморозь, иней’, в лит. šarḡtā и латышск. sarḡta.

Рассмотрим несколько примеров употребления слова šarḡtā⁵.

¹ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. 511: «Srom... brak go zupełnie w litewskim.» Id., s. 554: szron, szren.

² Ср.: pūras ∼ pūras (лат. pūrs); krānta ∼ kraītas. В обоих случаях, как и в šarḡtā ∼ šarḡtas, на основе метатонии происходит дифференциация значений. Ср. šarḡtas — ‘иней’.

³ Муртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929, с. 311.

⁴ Bezzenberger Ad. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund. Litauischer Texte d. XVI und d. XVII Jahrhunderts. Göttingen, 1877, S. 94, ff. S. 98: «Nes narsa Dieva ant in atai. Gelbek mus Wießphatie nuog perkunas Viebu.»

⁵ Пользуюсь извлечениями из материалов картотеки Большого академического словаря Академии наук Литовской ССР.

1. „(Lapeliai) pabojo šaltuį šarmelių“ (Tauta ir žodis, I, 279).
Перевожу: „Листочки побоялись холодной изморози“.

2. „Jei žiema šalta, gili, šarų daug,—vasara bus gera (Ibid., III, 342)—„Если зима холодная, глубокая, много инея,—будет хорошее лето“.

3. „Kurie szármôs baidos, tus užpuls sniegas“ (Biblija Rėzos, 1824, Jobo, IV, 16, п. 646)—„Кто боится изморози, того засыплет снег“.

4. В неопубликованной части Словаря А. Юшкевича это слово определяется двумя значениями: 1) ‘иней’: Nuo medžių šarma krinta v. inis, šerkšnis—„С деревьев падает иней“; 2) ‘изморозь, wyziew’: „Pavasari išejna šarma is žemės“—„Весной изморозь выходит из земли“.

Аналогично определение в Словаре Нессельмана: „Иней на деревьях и на траве (последнее обычно šalna)“. Эти лексикографические данные подтверждаются диалектальным материалом.

5. „Ši rytą didelė šarma buvo, apšarmojo visas miškas ir laukai“ (Ūdrija)—„Сегодня утром большой иней, покрыл все леса и поля“.

6. „Iš nakties visi medžiai buvo su šarma aptraukti“ (Veiviržepai)—„С ночи все деревья были покрыты инеем“.

7. „Medžiai tokion šarmon kaba“ (Pociūneliai)—„С деревьев свисает такой (пышный) иней“.

Слово šar̃mas означает теперь ‘щелок’. О том, что это значение произошло из значения ‘зола’, можно судить по такому тексту:

8. „Jisai barsto šarmą nei pélenus“ (Clavis Germanica-Lithuana, II, 294)—„Он посыпал инеем, не золой“.

Не пришлось бы добавлять пояснения: nei pélenus ‘не золой’, если бы слово šarmą (в котором совпадают формы винит. пад. ед. от šar̃mas и от šarmà) не было двусмысленно: ‘инеем’ ∼ ‘золой’. А значение ‘зола’ было метафорическим развитием более древнего значения ‘изморозь’. Поэтому можно реконструировать исходное значение слова šar̃mas именно как ‘изморозь, иней’, т. е. как тождественное со значением слова šarmà и его варианта saĩmas.

Этим путем мы устанавливаем возможность сопоставления славянского *срамъ* не только с лит. šarmà, но и с лит. šar̃mas в его исходном значении, сохранившемся в жемайт. šar̃mas.

Сохранив более древнее значение ‘изморози’, šar̃mas и šarmà не развили тех производных психологических значений, какие созданы в славянских словах гнезда *срамъ*.

Литовское gėda — ‘срам, стыд’ со своими производными прилагательными gėdingas — ‘стыдливый’, ‘позорный’, godùs и godlūvas — ‘жадный’ убедительно сопоставляется со славянскими: *гадъ*, *гадъкъ*, укр. *огида*, *гидкий*, чеш. *haditi*, *ohyzda*. В этом случае именно показания славянских языков позволяют реконструировать историю значений литовского слова gėda. Ближайшим промежуточным

звеном было 'омерзение, отвращение' (как в укр. *огида*), а более древним значением 'блевота, тошнота'¹.

Латышское *kaups* — 'срам, позор' имеет соответствие в готском *haups* — 'низкий, презренный'; через древневерхненем. *honida* оно соотносительно с фр. *honte*. Подобренные Ю. Покорным и ранее Р. Траутманом параллели² не открывают семантической перспективы. Следовало бы, минуя непоказательное литовское диал. *kūvēties* — 'стыдиться', сосредоточить внимание на латышском же *kavēties* — 'медлить, мешкать'. Отправляясь от этого слова, можно предположить, что *kaups* первоначально было отглагольным прилагательным со значением 'остолбенелый, оцепенелый', а лишь позже стало существительным, утратив связь с глаголом *kavēties*, и к значению 'стыд' пришло от значения 'оцепенение'.

В современном хинди *ṣaṅm* — 'стыд' и *ṣaṅmīla* — 'стыдливый', *ṣaṅmāṇā* — 'стыдить, срамить' соответствуют по происхождению славянскому *срамъ*. Судя по начальному *ṣ*, эти слова не должны объясняться из иранского, скорее наоборот — попали в иранские языки из индийских. Наряду с этим словом в хинди употребляется *laḥ*, соответствующее санскритскому глаголу *lajjate*, который правдоподобно может быть выведен из *raḥyate* — 'краснеет'. Здесь видим другую линию происхождения обозначения стыда.

Ко всем приведенным историко-семасиологическим наблюдениям приведу еще одну параллель. В воронежских говорах *холоду нагнал* значит 'напугал'³. В исторической песне об Иване Грозном⁴ при описании смертельного ужаса, охватившего одного из сыновей Грозного, когда ему, разоблаченному, угрожала казнь, его смятенное состояние выражено потрясающе простой и живописной формулой: «Брат-то и озяб...»

Итак, историю значений слов *студ*, *стыд*, *срам* можно реконструировать в виде такой схемы. От синкретического значения 'холод' как явления природы и физиологически определяемого болезненного состояния тела к более определенному, узкому — 'переживание, аффект, сопровождающийся ощущениями холода' (ср. «стынет кровь в жилах»). Далее обозначение аффекта 'стыд' и отсюда социально-оценочное значение 'позор, поношение', развивавшееся путем метонимии. От 'стыда наготы' переход к обозначению интимных действий и частей тела, а далее и порока. Последние значения еще и теперь представляются метафорическими, хотя они известны по памятникам с XI в., что можно объяснить их неизменной эвфемистичностью.

1958 г.

¹ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 6. Lief., S. 484; Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch, S. 81.

² Pokorny J. Ibid., S. 535; Trautmann R. Ibid., S. 122.

³ Ср. у А. И. Куприна в «Поединке»: «В девятой роте командир такого холоду нагнал, что ужас».

⁴ См.: Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа. СПб., 1915, с. 102.